

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
МИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ. ЯЗЫКОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ

Сборник научных статей

Выпуск 5

Минск, 2009

УДК 81'37 (08)
ББК 81.031
Т33

Рекомендован Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 4 (24) от 01.10.09

Редакционная коллегия:

О.С. Горицкая (*ответственный редактор*), З.А. Харитончик, А.М. Горлатов, А.А. Лукашанец, Е.Г. Лукашанец, А.Н. Степанова

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор *Б.Ю. Норман* (БГУ); кандидат филологических наук, доцент *И.В. Шаблыгина* (МГЛУ)

Теория коммуникации. Языковые значения : сб. науч. статей / редкол. : Т33 О.С. Горицкая (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2009. – Вып. 5. – 140 с.
ISBN 978–985–460–354–4.

Издание включает статьи преподавателей, аспирантов и магистрантов кафедры общего языкознания МГЛУ, а также работы коллег из других университетов. В сборнике освещаются актуальные проблемы семантики и прагматики, анализируются различные типы языковых единиц, выявляется взаимосвязь структурных, семантических и коммуникативных свойств языковых знаков.

Предназначается для широкого круга филологов.

УДК 81'37(08)
ББК 81.031

ISBN 978–985–460–354–4

© УО «Минский государственный лингвистический университет», 2009

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ГРАММАТИКИ

О.С. Горюцкая

НА СТЫКЕ ГРАММАТИКИ И ПРАГМАТИКИ: МЕСТОИМЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ВЕЖЛИВОСТИ В ДИНАМИКЕ*

Объектом рассмотрения в данной статье являются местоименные показатели социальной дистанции (в научной и методической литературе эти языковые единицы часто называются «вежливыми» формами). В русском языке стандартным морфологическим средством выражения социальной дистанции являются формы *Вы* и *Ваш*. Необходимо отметить, что использовать понятие *вежливость* применительно к этим языковым единицам можно лишь условно. Нормы употребления местоимений входят в систему правил речевого этикета и определенным образом отражают социальные позиции говорящего и слушающего, их возраст и тип взаимоотношений (официальные/неофициальные и т.п.), но при этом употребление формы, выражающей социальную дистанцию, не всегда свидетельствует о вежливости и уважении адресанта к адресату.

Личные местоимения (в частности, рассматриваемые в этой публикации «вежливые» формы) «являются таким фрагментом языковой структуры, в котором отражается множество коммуникативных, когнитивных и грамматических аспектов функционирования языка – как языка вообще, так и каждого конкретного языка. [...] Благодаря этому местоимения всегда служат пробным камнем (а часто и камнем преткновения) лингвистических теорий» [5, с. 236]. Поэтому изучаемые языковые единицы являются «благодатным» материалом для иллюстрации взаимосвязи между различными уровнями языка и аспектами функционирования языковых знаков.

Целью данного исследования является отражение различных (когнитивных, коммуникативных и формальных) аспектов взаимосвязи семантики, грамматики и прагматики на примере функционирования адресатных форм.

Для достижения этой цели необходимо решить несколько задач:

- определить место показателей лица в системе языка и «вежливых» форм в местоименной парадигме;
- рассмотреть закрепление изучаемых языковых единиц в системе русского языка в историческом и когнитивном аспектах;
- проследить динамику употребления «вежливых» местоимений в коммуникации.

* Работа выполнена при поддержке гранта Белорусского фонда фундаментальных исследований № 2008М–Г083.

Место прономинальных показателей вежливости в системе языка

К какой части языковой системы относятся личные местоимения – к лексике или к грамматике? Одни исследователи считают, что личные местоимения – это грамматические элементы: они «являются автономными полностью грамматикализованными корнями, не содержащими никаких лексических сем» [9, с. 255], см. также [4, с. 265].

Существует и другая точка зрения: личные местоимения представляют собой класс слов, лежащий на границе лексики и грамматики [7; 14]. Лицо у местоимений «выступает в качестве семантической категории, элементы которой участвуют в формировании лексического значения»; при этом эти лексемы «играют чрезвычайно важную роль в грамматике» [7, с. 203]. М.И. Стеблин-Каменский вообще предлагал выделять местоименное значение как особый тип, поскольку значение местоимений имеет некоторые свойства лексических значений и некоторые свойства грамматических [11].

В данной статье личные местоимения рассматриваются как грамматические единицы, которые вместе с личными окончаниями глаголов образуют класс показателей грамматической категории лица. В случае, если личные местоимения выполняют только дейктическую функцию (указание на говорящего и слушающего или группы, в состав которых они входят), их лексическое значение, как у большинства служебных слов, равно грамматическому.

Но необходимо отметить, что грамматическая категория лица относится к числу специфических «коммуникативно-грамматических» категорий, которые выражают соотношенность между содержанием высказывания и действительностью (в том числе действительностью коммуникативного акта). Поэтому грамматические значения лица (и соответствующие лексические значения личных местоимений) имеют коммуникативную обусловленность и тесно связаны с прагматикой.

В некоторых исследованиях [22; 24] вежливость рассматривается как грамматическая категория, присущая не только японскому, корейскому и другим восточным языкам, но и ряду индоевропейских языков (польскому, немецкому и др.), в которых местоимения, как считают исследователи, различаются по четырем грамматическим категориям – лицу, числу, роду и вежливости. Логика рассуждения сторонников этой идеи такова. Если в одних коммуникативных ситуациях обязательным является выражение социальной дистанции, а в других необходимо указывать на ее отсутствие, то значение вежливости является обязательным для этого языка. Пока формы выражения социальной дистанции были вариативны, они относились к прагматике, но когда в прономинальной системе появилась новая «клетка» (местоименный показатель вежливости), категория вежливости стала грамматической. При этом особых грамматических средств выражения у этой категории нет; она, по выражению Х. Саймона, «паразитирует» на категориях лица и числа [24, с. 110]. Однако при таком подходе можно полагать, что многие прагматические значения, которые выражаются на

грамматическом уровне, формируют грамматические категории, что представляется не вполне корректным. Кроме того, об обязательности выражения социальной дистанции можно говорить лишь с большой степенью условности: правила этикета нередко игнорируются; а в большинстве современных европейских языков нормы употребления местоименных форм вежливости являются в значительной степени вариативными. Таким образом, мы считаем, что в языках типа русского, польского или немецкого вежливость все же является прагматической (а не грамматической) категорией, которая выражается единицами, относящимися к различным уровням языка, в том числе и к грамматике.

В современном русском языке функционирование местоимения *Вы*, указывающего на социальную дистанцию, характеризуется некоторыми грамматическими особенностями, которые свидетельствуют о том, что эта форма является не использованием формы 2-го л. мн. ч. в переносном значении, а самостоятельным местоимением 2-го л. ед. ч. Постановка вопроса о разграничении случаев транспозиции личных форм и омонимичных местоимений связана с определением состава парадигмы личных местоимений и поэтому имеет скорее «техническое», чем теоретическое значение. Считается, что самостоятельное местоимение должно отличаться от употребления личной формы в переносном значении (транспозиции личных форм) грамматически и/или фонетически [6; 22; 24]. Необходимо учитывать, что критерии разграничения омонимов и многозначных слов всегда относительны, поскольку в языковой системе существует множество переходных случаев, одни из которых ближе к омонимам, а другие – к многозначным словам. Местоименные показатели вежливости относятся к таким переходным случаям.

Русское местоимение 2-го л. ед. ч. *Вы* отличается от формы 2-го л. мн. ч. грамматически и графически. Грамматическим маркером, дифференцирующим *Вы* вежливости и «множественное» *вы*, являются особенности координации местоимения-подлежащего и предиката [3; 15], а также употребление форм местоимения *сам*. Так, «вежливое» *Вы* требует мн. ч. глаголов и кратких прилагательных, но ед. ч. существительных и полных прилагательных, а также мн. ч. местоимения *сам* в именительном падеже, но ед. ч. местоимения *сам* в косвенных падежах:

- *Вы очень добры. – Вы очень добрая;*
- *Вы сами справитесь. – У Вас самой это получится.*

Надо отметить, что в речи данные грамматические законы нередко нарушаются, поскольку для носителя языка асимметрия в согласовании представляет определенные трудности. Пример:

- *Не волнуйтесь, миленькие вы наши!* (Н. Джин. Учитель).

Вы «вежливости» и соответствующее притяжательное местоимение отличаются от *вы* и *ваш* мн. ч. и графически. Необходимо отметить, что это отличие является факультативным: в настоящее время местоимение, обозначающее единичного адресата и при этом указывающее на социальную дистанцию, как правило, пишется с прописной буквы в текстах,

обслуживающих официальную коммуникацию (официальная переписка, анкеты и т.п.); в остальных случаях (в частности, в личной переписке) написание местоимения с прописной буквы необязательно, см., например, стилистические рекомендации в [10, с. 30].

Семантика «вежливых» местоимений в историческом контексте

Для определения факторов, которые обуславливают самостоятельный статус «вежливого» *Вы* в местоименной системе русского языка, необходимо проследить генезис этой формы, а также сопоставить форму *Вы* с другими местоименными способами выражения социальной дистанции.

П. Фридрих сравнивал личные местоимения с двуликим Янусом, поскольку они одновременно обращены к двум системам – грамматической и социальной [19, с. 278]. Закрепление в языке того или иного способа выражения социальных значений – это процесс, на который влияют многие факторы: и внутриязыковые, и внеязыковые; причем комбинация этих факторов является уникальной для каждого языка, см. статьи из сборника [17]. В русском языке успех заимствования местоимения *Вы*, выражающего социальную дистанцию, был обусловлен тем, что новая форма соответствовала потребностям самого общества и не противоречила естественным путям развития переносных значений. Закрепление в русском языке местоимения *вы* для указания на единичного адресата в эпоху Петра I было связано с социальными и культурными изменениями. «В этой новой общественной системе, которая давала отдельной личности большие возможности для самоутверждения, появляется необходимость в “защите” самого себя от других, ощущаемых как потенциальные конкуренты. Другими словами, создавались социальные предпосылки для укоренения лингвистических средств (прежде всего в формах обращения), которые позволили бы сохранить “дистанцию” между собеседниками» [2, с. 122]. Немаловажным оказался фактор престижности европейской культуры, одним из проявлений которой были вежливые формы обращения.

Формы 2-го л. мн. ч. употребляются вместо соответствующих форм ед. ч. во многих европейских языках. Считается, что фиксация в речевом этикете форм 2-го л. мн. ч. при обозначении адресата имеет в своей основе исторический факт. В III–IV вв. н. э. Римская империя возглавлялась несколькими правителями, поэтому в документах использовалась форма 1-го л. мн. ч., которая со временем стала стандартным для монархов местоимением 1-го л. Реакцией на «царское» *мы* явилась форма 2-го л. мн. ч. при обращении к правителям и высокопоставленным особам [6, с. 156; 15, с. 254–255 и др.]. Но так как форма 2-го л. мн. ч. используется для обозначения адресата не только в европейских языках [21], то необходимо искать другие объяснения данного феномена.

Во-первых, можно предположить, что употребление форм мн. ч. в значении ед. ч. является естественной метафорой власти, в основе которой «лежит, очевидно, утверждение, что этот человек по могуществу или

значимости равен множеству людей» [13, с. 24]. Аналогична природа форм мн. ч., которые используются при «уважительном» обозначении 3-го л.:

▪ – *Эй, – кричал солдат, – зачем ерундой занимаетесь? Товарищ майор ругаются* (В. Астафьев. Трофейная пушка).

Во-вторых, речевой этикет является отражением социальных позиций коммуникантов и отношений между общественными группами, в которые входят адресант и адресат, см. [12]. Таким образом, употребляя вежливую форму местоимения, говорящий обращается к адресату не только как к личности, частному лицу, но и как к представителю группы, и вполне закономерно, что семантику группы выражает множественное число.

В [15; 23] приводится еще одно возможное объяснение употребления форм 2-го л. мн. ч. Формы 2-го л. мн. ч. непосредственно не выделяют конкретного адресата речи и поэтому являются средством непрямого обращения – одного из основных показателей «негативной» вежливости, т. е. речевых стратегий, демонстрирующих дистанцию между коммуникантами.

Таким образом, закрепление вежливой формы местоимения в грамматической системе русского языка было обусловлено как внеязыковыми (изменение общественных отношений и потребность в выражении социальной дистанции, влияние других языков), так и внутриязыковыми факторами (соответствие заимствованных форм естественным векторам семантического развития). Грамматикализация переносных значений личных форм указывает на связь прагматических и грамматических (синтаксических и морфологических явлений) в диахронии. Ср. тезис «сегодняшний синтаксис – это вчерашняя прагматика» [18, с. 71] как развитие афоризма Т. Гивона о том, что «сегодняшний синтаксис – это завтрашняя морфология» [20, с. 413].

Местоименные показатели вежливости в динамике коммуникации

Перейдем к описанию прагматических функций форм 2-го л. Первичной функцией этих форм является дейктическое обозначение адресата. К вторичным функциям относится, в первую очередь, выражение социальных отношений между собеседниками. Эта проблема описана в ряде социо- и прагмалингвистических исследований, выполненных на материале разнообразных языков, например [8; 19], поэтому мы позволим себе не останавливаться на ней подробно. Кроме того, нам представляется, что формы 2-го л., как и местоимения других типов, могут выражать определенные психологические состояния говорящего и его отношения с собеседником. Отметим, что межличностные отношения и социальные связи являются крайне разнообразными и не остаются неизменными в процессе коммуникации. Все это приводит к тому, что объяснить выбор между формами *ты* и *Вы* зачастую очень сложно.

Для демонстрации экспрессивного потенциала форм 2-го л. обратимся к результатам нашего исследования такого коммуникативного феномена, как переключение с *ты* на *Вы*, и наоборот. Одна из интерпретаций этого явления отражена в хрестоматийных пушкинских строках:

- *Пустое «Вы» сердечным «ты» она, обмолвись, заменила.*

Основным источником материала послужил Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru). Из корпуса отбирались метаязыковые высказывания, в которых содержатся комментарии по поводу переключения с *ты* на *Вы*, и наоборот. Такой материал отражает языковой и коммуникативный опыт множества индивидов – авторов текстов, и поэтому представляется возможным делать на основе анализа этих высказываний выводы о русской лингвокультуре в целом. Надо сказать, что, несмотря на значимость подобных эпизодических переходов с одного местоимения на другое в коммуникации, данная проблема не получала должного теоретического осмысления в лингвистических работах.

Необходимо отметить, что проанализированные тексты освещают смену формы обращения с позиции обоих участников коммуникативного акта – говорящего и слушающего. При этом смысл, который вкладывает говорящий в свои слова, может не соответствовать тому смыслу, который извлекает из этих слов адресат.

Когда говорящий переходит с *ты* на *Вы*, и наоборот? Являются ли такие переключения случайными или индивид преследует при этом какие-то цели?

Известно, что в русской коммуникативной культуре, как и в большинстве других, переход с *Вы* на *ты*, отражающий смену формального стиля общения на неформальный, обычно специально оговаривается или сопровождается определенными ритуалами. Переход с *ты* на *Вы* является гораздо более редким и связан с развитием отношений в противоположном направлении. Поэтому первой причиной, обуславливающей переключение местоимений, является изменение отношений между участниками коммуникации. Пример:

- *Некоторое время Паркер говорил мне «ты», затем постепенно проникся зрелищем перемены в лице изящного загорелого моряка, носящего итурманскую форму с привычной небрежностью опытного морского волка, – и перешел на «вы» (А. Грин. Золотая цепь).*

Смена формы обращения может являться следствием речевой инерции: говорящий начинает использовать то же местоимение, что и собеседник. Это связано с тем, что в русской коммуникативной культуре нормой является симметричное использование показателей вежливости в речи коммуникантов, занимающих приблизительно одинаковое место в социальной иерархии. Примеры:

- – *Скажите толком, что у вас приключилось такое? Он тоже перешел на «вы».* – *Да уж и вы извините,* – *сказала она все в той же резкой манере (А. Фадеев. Молодая гвардия);*

- *Не приняв его почти извиняющегося тона, я неожиданно тоже перешел на «ты»:* – *И, что ты думаешь, пойду! И найду! Я найду, но это твоя работа, Коля, твоя! (В. Запашный. Риск. Борьба. Любовь).*

При этом пока норма обращения окончательно не выработалась, в речи нередко наблюдаются колебания – говорящий «срывается» и употребляет

старую форму. Надо сказать, что речевые «привычки» человека могут быть довольно устойчивыми, и новому местоимению зачастую необходимо много времени, чтобы занять устойчивое положение в узусе (впрочем, этого вообще может не произойти). Примеры:

▪ *Я двенадцать лет имел честь и счастье дружить с ним, мы даже перешли на «ты». Долго я не мог освоиться с таким обращением, все переходил на «вы», ведь разница в возрасте – почти четверть века! Но он настаивал, и я в конце концов привык. Только тогда я понял наконец ненужность своего давнего удивления, когда в 1960-х годах слышал при еще более крупном интервале лет диалог на «ты» между Р.О. Якобсоном и Вяч. Вс. Ивановым (Б.Ф. Егоров. Сын профессора и артистки // Звезда, 2003);*

▪ *После этого я почувствовал неловкость говорить человеку «вы», если он говорит мне «ты», и сказал: – Ты-то как думаешь? – и засыпал его: «ты, ты, ты!». Умный человек понял неестественность этого и перешел на «вы», и дело снова запуталось (М.М. Пришвин. Дневники).*

Эпизодические переключения местоимений наблюдаются и в том случае, когда человек не знает, какое из местоимений будет более уместным. Это связано с тем, что конкуренция форм является неизбежным этапом в формировании нормы. Вспомним известный контекст:

▪ *– А простите... это ты... это вы... – он сбился, не зная, как обращаться к коту, на «ты» или на «вы», – вы – тот самый кот, что садились в трамвай? – Я, – подтвердил польщенный кот и добавил: – Приятно слышать, что вы так вежливо обращаетесь с котом. Котам обычно почему-то говорят «ты», хотя ни один кот никогда ни с кем не пил брудершафта (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита).*

Однако не всегда переход с одного местоимения на другое свидетельствует о формировании нового типа межличностных отношений (формальных или неформальных). Переключение местоимений может быть следствием изменения психологического состояния говорящего. Так, П. Фридрих указывал на существование «экспрессивного» *ты* [19, с. 248–251], имея в виду ситуации, когда *вы* заменяется на *ты*, если говорящий испытывает сильные эмоции (гнев, радость, удивление и др.). Исследователь проводит параллели между употреблением местоимения 2-го л. в таких ситуациях и функционированием местоимений в речи афатиков: в обоих случаях имеет место нейтрализация противопоставления формального и неформального местоимений, переход к «детскому» универсальному *ты*. Однако, как показывает анализ корпуса текстов, в тех случаях, когда говорящий испытывает сильные эмоции (например, когда он взволнован), возможен не только переход *Вы* > *ты*, но и переход *ты* > *Вы*:

▪ *– Шли бы вы за меня замуж (они не так давно перешли на «ты», и он иногда срывался на «вы»), и, естественно, когда был особенно взволнован) (Ю. Петкевич. Живые цветы зимой);*

▪ *Он перешел на «ты», и сразу стало видно, что он волнуется (В. Доценко. Тридцатого уничтожить!).*

Страх, возмущение, обида, смущение, подавленность, злоба – все эти и многие другие психологические состояния человека являются предпосылкой для переключения с одной местоименной формы на другую.

И, наконец, смена местоимения может являться не просто сигналом психологического состояния говорящего. Субъект может сознательно переключать местоимения для целенаправленного воздействия на адресата. При этом одно и то же коммуникативное намерение может выражаться выбором разных местоименных форм. Например:

- – *На похороны поедешь? – для строгости он сразу перешел на «ты»* (Г. Прашкевич, А. Богдан. Человек «Ч»);

- *Обиды не было, потому что знаешь, что заслужил. Но уж если похвалит, похвала радовала, потому что исходила от знающего человека. Скуп был и на ругань, и на похвалу. Чаще не ругал, а переходил на «вы» и по имени-отчеству. Лицо становилось напряженным, бровь поднималась...* (Ф. Чуев. Ильюшин).

Почему переключение с одного местоимения на другое может оказывать воздействие на адресата? Изменение грамматической формы является индикатором изменения отношения, и адресат на это реагирует. Кроме того, предпочтение *Вы*- или *ты*-формы указывает на определенные операции, имеющие отношение к личной сфере говорящего [1]: увеличение или, наоборот, сокращение дистанции между ним и собеседником. При этом включение адресата в личную сферу говорящего, обозначенное формой *ты*, может восприниматься не только положительно (как сближение, переход на новый уровень отношений), но и отрицательно (как вторжение в личную сферу). Примеры:

- *Они не были еще на «ты», и это новое, неофициальное обращение по телефону несколько стеснило Бессонова, оно простотой своей что-то отнимало у него, лишало некой независимости хотя бы в начальном общении <...>* (Ю. Бондарев. Горячий снег);

- *«А откуда ты знаешь?» – усмехается, сразу перешел на «ты», и от этого «ты» я чувствую себя как дома* (Ю. Петкевич. Ччь // Октябрь, 2003).

Такую же амбивалентную оценку может получать переход с *ты* на *Вы*. В целом отрицательная оценка является более характерной для этого типа переключения. Это, очевидно, связано с тем, что естественное развитие отношений в направлении от неформальных к формальным является довольно редким и, как правило, означает прекращение дружбы и т.п. Рассмотрим в качестве примера следующий контекст:

- – *О чем вы? – наконец выдохнул он. – Какие кладбища?*

Я должен был задрожать от ушата ледяной воды, которую он внезапно вылил на меня, – после года дружеских отношений перешел на «вы» (В. Попов. Будни гарема).

Кроме того, говорящий может выбирать форму, отличную от принятой при общении с данным адресатом, для выражения различных тонких значений прагматического порядка (коммуникативных тональностей и др.). Спектр этих значений является очень широким:

▪ *Чтобы подчеркнуть важность своей мысли, Люсин опять перешел на «вы»* (А. Белозеров. Чайка);

▪ *Министр переходил на «ты» в тех случаях, когда хотел дать этим понять, что свободно располагает временем* (А. Грин. Блистающий мир);

▪ *Фома снова перешел на ты, для краткости: – Тебе пора умирать, старик, а ты – идеалист!* (С. Осипов. Страсти по Фоме. Книга вторая. Примус интер парэс).

В заключение следует отметить, что во многих случаях переход от одной формы к другой осуществляется неосознанно или обусловлен социальным контекстом речевого акта (например, люди, связанные родственными или дружескими отношениями, могут употреблять форму *Вы* в официальных ситуациях общения, а форму *ты* – в неофициальных). Поэтому нельзя утверждать, что эпизодические переходы с *Вы* на *ты* и наоборот всегда имеют какие-то вторичные прагматические функции или сигнализируют об определенном эмоциональном состоянии говорящего:

▪ *Сам того не заметив, Кривцов перешел на «ты»* (А. Савельев. Аркан для букмекера).

Другое дело, что слушающий может воспринимать такое речевое поведение как знак (обычно как индекс эмоционального состояния говорящего и/или коммуникативной интенции). Случаи несовпадения иллюкуции и перлокутивного эффекта, а также сама возможность извлечения из высказывания того смысла, который автор не предусматривал, являются интересными коммуникативными феноменами, заслуживающими внимания исследователя.

Таким образом, мы показали, что показатели лица являются прагматически чувствительным компонентом грамматики. Формы 2-го л. участвуют в выражении определенных психологических состояний говорящего, социальных ролей между собеседниками и т.д. Динамика употребления местоименных форм в коммуникации показывает, что грамматические элементы могут быть индикатором различных изменений в межличностных отношениях и эмоциях субъекта речи. Другим аспектом взаимосвязи грамматики и прагматики является закрепление прагматических функций в грамматике языка под влиянием как внутриязыковых, так и социокультурных и когнитивных факторов.

Изучение социальных функций грамматических элементов и экспрессивного потенциала грамматики является перспективным направлением лингвистического анализа. Грамматика часто понимается как «механический» фрагмент языковой системы, не имеющий отношения к человеку. Однако в действительности значение большинства языковых структур, в том числе и грамматических, связано с жизнью человека, особенностями его мышления и поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян, Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю.Д. Апресян // Семиотика и информатика. – Вып. 28. – М., 1986. – С. 5–33.
2. *Бенаккьо, Р.* Новый тип человеческих отношений : обращение на *Вы* в петровскую эпоху / Р. Бенаккьо // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М. : Индрик, 1999 – С. 114–123.
3. *Булыгина, Т.В.* Языковая концептуализация мира : на материале русской грамматики / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – М. : Шк. «Яз. рус. культуры», 1997. – 574 с.
4. *Виноградов, В.В.* Русский язык : грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов ; под ред. Г.А. Золотовой. – М. : Рус. яз., 2001. – 720 с.
5. *Кибрик, А.А.* Местоимения как дейктическое средство / А.А. Кибрик // Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис. – М. : Наука, 1992. – С. 236– 242.
6. *Майтинская, К.Е.* Местоимения в языках разных систем / К.Е. Майтинская. – М. : Наука, 1969. – 308 с.
7. *Мельчук, И.А.* Курс общей морфологии : в 4 т. / И.А. Мельчук ; пер. с фр. В.А. Плунгяна. – М. ; Вена : Шк. «Яз. рус. культуры», Wiener Slawistischer Almanach, 1998. – Т. II. Часть вторая : морфологические значения. – 544 с.
8. *Писарек, Л.* Местоименная оппозиция *ty-wy* в польском языке (лингвопрагматический аспект) / Л. Писарек // Славистика : синхрония и диахрония : сб. науч. ст. к 70-летию И.С. Улуханова / под общ. ред. В.Б. Крысько. – М. : Азбуковник, 2006. – С. 42–51.
9. *Плунгян, В.А.* Общая морфология : введение в проблематику / В.А. Плунгян. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 384 с.
10. *Розенталь, Д.Э.* Справочник по правописанию и литературной правке / Д.Э. Розенталь ; под ред. И.Б. Голуб. – 9-е изд. – М. : Айрис-пресс, 2004. – 368 с.
11. *Стеблин-Каменский, М.И.* Об основных признаках грамматического значения / М.И. Стеблин-Каменский // Спорное в языкознании / М.И. Стеблин-Каменский. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – С. 3–19.
12. *Стернин, И.А.* Проблемы описания вежливости как коммуникативной категории / И.А. Стернин // Коммуникативное поведение. – Воронеж : Истоки, 2003. – Вып. 17 : Вежливость как коммуникативная категория / науч. ред. И.А. Стернин. – С. 22–47.
13. *Успенский, Б.А.* Ego Loquens : язык и коммуникационное пространство / Б.А. Успенский. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 320 с.
14. *Химик, В.В.* Категория субъективности и ее выражение в русском языке / В.В. Химик. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. – 184 с.

15. *Brown, R.* The pronouns of power and solidarity / R. Brown, A. Gilman // Readings in the sociology of language / ed. by J. Fishman. – Hague ; Paris : Penguin, 1968. – P. 252–282.
16. *Corbett, G.G.* Suppletion in personal pronouns: theory versus practice, and the place of reproducibility in typology / G.G. Corbett // Ling. Typology. – 2005. – № 9. – P. 1–23.
17. Diachronic perspectives on address term systems / ed. by I. Taavitsainen, A.H. Jucker. – Amsterdam ; Philadelphia : J. Benjamins Pub., 2003. – 441 p.
18. *Faarlund, J.T.* Pragmatics and syntactic change / J.T. Faarlund // Language change : contributions to the study of its causes / ed. by L.E. Breivik, E.H. Jahr. – Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyter, 1989. – P. 71–98.
19. *Friedrich, P.* Structural implications of Russian pronominal usage / P. Friedrich // Sociolinguistics : proc. of the UCLA Sociolinguistics conf., 1964. – The Hague ; Paris : Mouton & Co, 1966. – P. 214–253.
20. *Givón, T.* Historical syntax and synchronic morphology : an archeologist's field trip / T. Givón // Papers from the Seventh regional meeting of the Chicago Ling. Soc. – Chicago : Univ. of Chicago, 1971. – P. 394–415.
21. *Head, B.F.* Respect degrees in pronominal reference / B. F. Head // Universals of human language / ed. by J.H. Greenberg : in 4 vol. – Stanford : Stanford Univ. Press, 1978. – Vol. 3 : Word Structure. – P. 151–211.
22. *Huszcza, R.* Honoryfikatywność : gramatyka, pragmatyka, typologia / R. Huszcza. – Warszawa : Wydaw. nauk. PWN, 2006. – 228 s.
23. *Lakoff, R.* The logic of politeness, or Minding your P's and q's / R. Lakoff // Papers from the Ninth regional meeting of Chicago Ling. Soc. – Chicago : Chicago Ling. Soc., 1973. – P. 292–305.
24. *Simon, H.J.* From pragmatics to grammar. Tracing the development of respect in the history of the German pronouns of address / H.J. Simon // Diachronic perspectives on address term systems / ed. by I. Taavitsainen, A.H. Jucker. – Amsterdam ; Philadelphia : J. Benjamins Pub., 2003. – P. 85–123.